

В. Я. ВОРОБЬЕВ

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В АТР

Виталий Яковлевич Воробьев, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол. 119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: asia@mgimo.ru

Аннотация: *Статья представляет собой подробный анализ внутри- и внешнеполитических реалий развития Китая при Си Цзиньпине применительно к тенденциям углубления российско-китайского партнерства, выходящего на уровень стратегической сопряженности. Рассматриваются различные теоретические аспекты концепции «экономического пояса шелкового пути», возможности и проблемы ее практического воплощения. Дается прогноз изменений позиций и роли Китая в международных отношениях в АТР и во всемирном масштабе.*

Ключевые слова: *Россия Китай, шелковый путь, стратегическая сопряженность, США, политика в АТР.*

Китайский фактор — это многокомпонентная совокупная постоянная величина в политике России. Азиатско-тихоокеанское направление выступает его специфическим преломлением, имеющим все возрастающую самостоятельную значимость. Нетолько потому, что вот уже почти 350 лет две крупнейшие мировые державы географически соседствуют друг с другом, гранича сегодня на протяжении почти 4 300 км. Там политические линии двух государств могут конфронтационно сталкиваться, что бывало и составляет печальную главу истории этого соседства. А могут, как это имеет место на современном этапе, поощрять добрососедство и взаимопонимание относительно динамики международного контекста, в котором действуют Россия и Китай.

Принадлежность к разным цивилизационным контурам всегда сказывалась на восприятии и толковании китайского фактора. Сейчас решающий отпечаток накладывают вовлеченность двух стран в процессы глобализации и информатизации, а также отношения всеобъемлющего сотрудничества и стратегического доверительного партнерства, утвердившиеся между Россией и Китаем в последнее двадцатилетие и договорно оформленные в 2001 году.

Чтобы оценить параметры и характер эффекта, которого можно ожидать от китайского фактора, представляется целесообразным укрупненно обозначить ряд китайских реалий. Многие из них несут в себе заряд серьезных тенденций. Полезным подспорьем служит их политологическое обрамление, особенно суждения, передающие отголоски дискуссий,

ведущихся вокруг позиционирования КНР в мире, в том числе касательно роли российского фактора для Китая.

* * *

Китайское руководство шестого поколения во главе с Си Цзиньпином неотступно ведет линию на усиление политической устойчивости и укрепление материальной ткани отношений России и Китая. Их нынешний формат полностью устраивает Пекин. Его подают в качестве эталонной модели в формировании «нового типа» двусторонних отношений между крупными государствами и приоритетно выделяют из более десяти разновидностей партнерства, установленных Китаем почти с 70 странами. К характеристикам этого типа отношений следует присоединить взаимодействие двух государств в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которое включает серьезные обязательства по Договору о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заключенному шестью странами — членами ШОС в 2007 году.

В Пекине поощряют стремление российского руководства действовать активно на азиатско-тихоокеанском направлении, развивать восточносибирские и дальневосточные регионы, наращивать экономическое и военно-политическое присутствие в АТР.

Там принимают в расчет то обстоятельство, что как Россия, так и Китай, будучи тихоокеанскими державами, имеют свое видение ситуации и по-своему формулируют собственные интересы [1], но все же считают при этом основные вызовы стратегического порядка общими для России и Китая. По мнению китайцев, они проистекают главным образом из сделанного президентом США Б. Обамой «разворота» американской политики в сторону доминирования в тихоокеанском пространстве. Потому не исключают возникновения своеобразной конфигурации, где американо-японский союз, который его участники не собираются ослаблять, будет политически балансироваться крепнущим российско-китайским партнерством. Нынешнюю международную конъюнктуру, связанную с обострением для России сложностей на западном фланге ее политики, в Китае склонны рассматривать как фактор, могущий способствовать подобному эволюционному движению.

Под таким углом зрения китайцев не беспокоит, а скорее наоборот — устраивают усиление российского военного потенциала на тихоокеанском направлении, уплотнение взаимодействия в разных формах по линии оборонных ведомств, налаживание оперативных связей на суше и на море. Если это не будет перерастать в попытки вовлечь Россию в какие-то конкретные ситуационные коллизии, то, думается, к военному сотрудничеству с Китаем, включая военно-технические аспекты, следует подходить не в конъюнктурно-временном ключе, а видеть в нем один из цементирующих смыслов сложившегося формата российско-китайских отношений.

Сейчас вдвойне понятно, что полное урегулирование пограничных вопросов имело далеко не прикладное «размежевательное» значение. Оно действительно было таким событием в истории двусторонних отношений, которое во многом обозначило вектор и переменило атмосферу их развития. Соглашения 1996 и 1997 годов о военной разрядке в районе границы, выполняемые сторонами неукоснительно, вносят свой вклад в то, что граница и прилегающие к ней районы двух стран уже воспринимаются в качестве ландшафта взаимовыгодного соразвития.

Решение Россией огромных и долгосрочных социально-экономических задач по подъему сибирско-дальневосточных регионов, по их встраиванию в высококонкурентную среду стран Восточной Азии и Тихого океана, в последние годы являвшимися драйверами мировой экономики, невозможно без солидной опоры на соседний Китай [1, с. 74]. Это, конечно, не должно создавать впечатления, в том числе у Пекина, в ее единственности. Но сопряжение больших экономических программ, особенно касающихся российского Дальнего Востока и китайского Северо-Востока, транспортных инфраструктур двух стран, становится не просто реальной потребностью, а насущной необходимостью. На это весьма настроены в Пекине.

Не стоит рассчитывать на то, что Китай окажется способным заместить нам санкционные потери, количественно и особенно — качественно. Он не пойдет на это из-за естественного нежелания угодить самому под западные ограничения. Однако солидарность может прояв-

лять значительную, что и делает, пусть не без упорного торга по деталям.

Кроме того, китайская модель высоких темпов экономического роста начала давать сбои. Наблюдается наложение друг на друга двух факторов негативного порядка — заметное сокращение внутреннего спроса в Китае на готовые изделия, сырье и компоненты и слабость традиционных внешних рынков для китайского экспорта. Достаточно сказать, что внешнеторговый оборот за пять месяцев 2015 года последовательно сокращается (весьма заметно с ЕС, Японией и Россией) при сохранении некоторого роста с США.

С чем весь мир имеет дело — симптомами серьезного системного заболевания или с признаками временного недомогания — пока определить трудно. Сопротивление «усилению встречных ветров» уже стало предметом первоочередной озабоченности китайского руководства и, видимо, не на короткий период времени. Очень высокая степень включенности Китая в глобальные финансово-экономические процессы, а также разнообразные внутренние социальные напряженности, сопутствующие как росту, так и торможению экономики, подталкивают Пекин к интенсивному поиску развязок текущего порядка и на большую перспективу. Их видят в еще более широком и емком использовании инструментов рынка, в сужении сферы централизованного управления со стороны высшей исполнительной власти, настойчивом создании все новых возможностей для продвижения вовне традиционных китайских товаров и современной машиностроительной продукции (суперскоростной железнодорожный транспорт).

Поставлена совершенно новая цель — «вынос» за пределы страны оказавшихся излишними значительных производственных мощностей простого технологического цикла. В то же время внешние инвестиционные потоки переключают сугубо на инновационные сферы с тем, чтобы КНР через преодоление сложностей за счет углубления реформ и открытости в сжатые сроки превратилась из «всемирной фабрики» в «серьезного экономического игрока», способного влиять на выработку соответствующих международных правил. В этом просматривается одна из политико-экономических составляющих идеи возрождения «Шелкового пути».

* * *

Какими новыми свойствами может (будет) прирастать российско-китайское партнерство? Этот момент представляется фундаментальным для оценки китайского фактора. Если брать настроения китайской общественности, то в целом она с растущей дружественной расположенностью смотрит на северного соседа.

Такие решения, как совместное празднование в 2015 году 70-летия завершения Второй мировой войны, поддерживают подобные настроения, ориентируют на понимание важности и обоюдной пользы от взаимной солидарности. Знаменательной на этом фоне представляется набирающая силу взаимная заинтересованность в том, чтобы представить объективную картину войны, в том числе этапа разгрома японских сил на Северо-Востоке Китая, не допустить переиначивания значения ее победных итогов для последующего мирового устройства и развития.

В первой половине 2015 года с подачи Си Цзиньпина применительно к отношениям с Россией стало появляться понятие «чжаньлюэ дуйцзе» — стратегическая стыковка или стратегическая сопряженность. Оно прозвучало и в ходе визита председателя КНР в Москву в начале мая 2015 года. Независимо от точности передачи данного понятия по-русски, его общий посыл достаточно однозначен. Он транслирует, что в Пекине хотели бы видеть за фасадом российско-китайского партнерства тесные связи на длительную перспективу.

В сигналах Пекина о желании иметь с Москвой самые близкие и тесные связи, однако, опрометчиво усматривать вероятность того, что политическая элита Китая станет ограничивать позиционирование своей страны «креном в одну сторону» (ибяньдао), как это было в начале 1950-х годов в случае с Советским Союзом, и тем более пойдет на повторное заключение военно-политического союза, теперь уже с Россией.

В Китае господствует мнение, что юридически оформленные военно-политические альянсы являются рудиментом «старого мышления», наследием времен «холодной войны», ибо они имеют, явно или прикрито, конфронтационную подоплеку и ограничивают поле

для самостоятельного внешнеполитического маневрирования.

Пекин же предлагает себя в качестве поборника новых принципов мироустройства. Они ему видятся на следующих началах: равенство всех, уважение коренных интересов любых стран, приверженность международному праву, ненаправленность конкретной политики против кого бы то ни было, несилловые методы в решении конфликтных ситуаций, отказ от устоявшейся точки зрения, что в международных делах обязательно должны быть выигравшие и проигравшие («игра с нулевой суммой»). С таких позиций критикуется приверженность Вашингтона военно-политическим союзам, будь то в Атлантике или Тихоокеанском регионе.

Под маркой призывов к «гармонии интересов», к осуществлению идеала «общности судеб всего человечества» становятся все заметнее разговоры о том, наступило ли время для современного Китая выйти из кокона внешнеполитических заветов Дэн Сяопина тридцатилетней выдержки «неуклонно набирать мощь, но держаться в тени».

К переосмыслению этой парадигмы подталкивают реальные достижения страны за указанный период. Статистически, судя по некоторым подсчетам, Китай вышел на второе место в мире по валовым цифрам, причем в ряде важных показателей он реально опережает всех. Рационально мыслящие представители китайской политической элиты отдают отчет в том, что это «второе место» содержит в себе еще огромную дистанцию от «единственной сверхдержавы» — США, особенно по качественно-технологическим меркам, и что пробежать ее достаточно быстро не получится.

Все же в Китае накапливается политический соблазн принимать новизну ситуации за становление тенденции к выделению глобальной «двойки» — Китай и США — с особой повышенной ответственностью за состояние дел в мире. Применительно к зоне Тихого океана эта конструкция констатируется в качестве состоявшегося факта. Под таким «соусом» в Пекине готовились к визиту Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 года.

Примечательна нюансировка китайской риторики по адресу Вашингтона. Теперь акцентируется такой тезис. Пекин, мол, никак не сомневается, что США «еще долго» будут являться державой номер один в мире. Китай не помышляет «теснить» в данном смысле США. Он лишь хочет, чтобы Вашингтон взвешенно оценивал перемены в динамике расклада сил и не видел для себя прямой угрозы в росте китайской мощи. Иными словами, США предлагается роль партнера-оппонента, с которым Китай намерен сосуществовать максимально мирно, а США следует привыкать уживаться с «растущим Китаем». Чем-то это напоминает римейк хрущевской теории конца 1950-х годов о «мирном соревновании» СССР и США, которую на дух не принимали тогдашние идеологи КПК.

Появляются признаки смягчения в недавно резкой китайской оппозиции американскому проекту формирования Транстихоокеанского (экономического) партнерства. Пробрасывается мнение, что в нем можно усмотреть «один из подходов» к созданию зоны свободной торговли в АТР, за которую ратует Китай.

На фоне голосов, проповедующих эволюцию в сторону «двойки» Китая и США, выглядят показательными темы дискуссий в китайской политологической среде относительно популярной концепции «многполярности в мире». Не может ли такая тенденция привести к еще большей хаотизации и дисгармонизации международного пространства (то есть войти в расстыковку с китайским «новым внешнеполитическим мышлением»)? Коль скоро многполярность рассматривается в противопоставлении амбициям США, насколько она вообще может быть исторически длительной и устойчивой? Так как полюса «наверняка» окажутся неравновесными, то не станут ли они искать различные договорные сочетания по интересам? В силу особенностей развития не будут ли отдельные страны-полюса выдвигаться на ведущие политические позиции в мире, становиться своего рода «суперполюсами»?

Наладка продуктивных, состязательных, но хорошо регулируемых отношений с США, включая военную сферу, судя по всему, становится приоритетной целью позиционирования Китая в международных делах на обозримую перспективу. В такой проекции в Пекине, похоже, смотрят на японский сегмент. Во всяком случае, там «не видят» наличия самостоятельного политического треугольника Китай — США — Япония. От Вашингтона добиваются большей сдержанности в союзнической поддержке Токио. Прежде всего, относительно беспокоящих Пекин радикальных склонностей правительства Абэ освободиться от послевоенных

ограничений для Японии и вообще переинтерпретировать ход и итоги Второй мировой войны, в том числе в территориальной области.

Через призму китайско-американских отношений в Пекине все больше предпочитают анализировать ситуацию в Южно-Китайском море. У китайцев вроде бы зреет убеждение, что при всей важности АСЕАН именно Вашингтон должен становиться главным объектом их усилий. Проводится мысль, что от США в конечном счете зависит задиристость в поведении ряда стран ЮВА, которой недоволен Китай. Пекин ищет такой образ действий, который позволял бы упорно настаивать на территориальных правах и претензиях в рамках «прерывистой линии» на картах ЮКМ, имеющей сомнительную юридическую репутацию, и в то же время избегать перетекания сложившегося в ЮКМ сложного статус-кво в конфликтные силовые вспышки, тем более с участием «внерегиональных государств».

Надо признать, что проблематика ЮКМ — это такой запутанный клубок, что простыми одношаговыми решениями его не размотать. В своих перекрещивающихся территориальных спорах стоит разобраться в первую очередь самим странам ЮВА, если они реально хотят сформировать асеановское сообщество, напоминающее Евросоюз. Важно, чтобы в ЮКМ не происходило событий, которые рикошетировали бы по российским интересам в ЮВА и китайскому фактору в нашей политике в АТР.

Пожалуй, самым броским по форме и глобалистским по замыслу посланием всему миру от новой генерации китайских руководителей стали две идеи, озвученные Си Цзиньпином осенью 2013 года, относительно создания пространства экономического роста и процветания вдоль древних сухопутных караванных маршрутов «Шелкового пути» и давних морских китайских экспедиций в ЮВА, Южную Азию и Северо-Восточную Африку. (В стороне от пропагандистского шума незаслуженно остается идея, выдвинутая председателем КНР первой, еще весной 2013 года в Москве, о возрождении «Великого чайного пути», в течение веков связывавшего Россию и Китай через территорию нынешней Монголии).

В качестве философии эти инициативы смотрятся привлекательно. Они опираются на принципы «шанхайского духа», заложенные 15 лет тому назад в основополагающие документы Шанхайской организации сотрудничества. Теперь они идеологически развиты в русле постулатов предлагаемого Пекином «нового внешнеполитического мышления». В практическом плане все это пока что звучит противоречиво. Так, утверждается, что никаких специальных управленческо-координационных структур не предполагается. С другой стороны, в большом правительственном пояснительном документе, насчитывающем 20 тыс. иероглифов, не раз говорится о необходимости подобного рода механизмов, но нет намеков на то, каким образом, когда и кто станет их формировать.

Нельзя не заметить весьма прохладную реакцию на китайские инициативы со стороны Индии. Сдержанность проявляет АСЕАН. Япония, судя по всему, намерена «перебежать дорогу» создаваемому по инициативе Китая Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, предложив свыше 100 млрд долл. США на инфраструктурные проекты в АТР. США, похоже, будут внимательно следить, чтобы китайский «Шелковый путь» не девальвировал американский проект для Центральной Азии под тем же названием.

В повестке дня — весьма непростое сопряжение идеи «Шелкового пути» с уже осуществляемым проектом Евразийского экономического союза. Предстоит разобраться, какое место может занять в китайской инициативе ШОС, которая вступает в чувствительную фазу расширения своего основного состава.

Так или иначе, ясно одно: КНР будет упорно лоббировать не только свои предложения как таковые, но и станет продвигать свое видение практики реализации этих проектов. Соответствующие заходы просматриваются в упомянутом выше китайском объемном документе.

Из пояснений Пекина явствует, что реализация идеи «Шелкового пути» распространяется на всю территорию Российской Федерации без исключения. Иными словами, китайский фактор в политике России в АТР получает еще одно, «шелкопутное» измерение, которое пока является в основном политическим продуктом и нуждается в серьезной дешифровке.

* * *

Китайский фактор на азиатско-тихоокеанском направлении политики России не может сводиться к тому, какие конкретные проекты или сделки способны осуществлять стороны, что и почему при этом хромает, по каким отдельным моментам положения в АТР следует ситуационно стыковаться.

В интересах России воспринимать китайский фактор широкоформатно и комплексно. Прежде всего, вычленять и просчитывать долговременные тенденции развития обстановки в АТР при том аксиоматическом понимании, что Китай будет там закрепляться на ведущих ролях, делая все, чтобы не только и не столько оказывать влияние, сколько формировать и оседлывать эти тенденции. Надо также исходить из того, что при всем сближении с Россией Китай будет проводить политику выстраивания по возможности равных, взаимоуважительных отношений со всеми крупными странами в АТР.

CHINESE FACTOR IN THE POLICY OF RUSSIA IN THE ASIA-PACIFIC REGION

*Vitaliy Vorobiev, Senior Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies
(University) MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary*

Summary:

The details of China's political (internal and foreign) development under the rule of Xi Jinping in respect to recent trends in Russia-China relations having reached the level of strategic conjugation (战略对接) are being discussed in the article. Different theoretical approaches to the concept of Silk Road Economic Belt, prospects and problems of its practical implementation are considered as well as the possible change in China's position and its role in international affairs in the Asia-Pacific region and in the global scale.

Keywords: *Russia, China, silk road economic belt, strategic conjugation, USA, Asia-Pacific region.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лукин А. В. Китай: Опасный сосед или выгодный партнер // Pro et Contra. 2007. № 6.